

В Диссертационный совет ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте
Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д.82

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета

**Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации на диссертацию Пиляка Сергея
Александровича «Интерпретация как инструмент актуализации
материального культурного наследия», представленную на соискание
ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8.
«Философская антропология, философия культуры»**

Актуальность темы исследования. Вопросы, связанные с сохранением и актуализацией культурного наследия в текущей культурной ситуации входят в число самых животрепещущих прежде всего с практической точки зрения, в том числе в свете проблем, связанных с противодействием приемам и методам фальсификации истории. Как преодолеть негативизм и безразличие современного человека по отношению к культурным ценностям, которые достались ему в наследство от предков? В чем состоит логика моральной ответственности тех, кто профессионально занят охраной памятников материального наследия? Какими должны быть приоритеты культурной политики в случае, когда возникают противоречия между социальным и экономическим векторами развития территорий, а также между политико-идеологическими и научно-исследовательскими задачами сообщества специалистов? В поиске ответов на эти и другие вопросы автор исследования обратился к теме, актуальной не только с

прикладной, но и с сугубо теоретической точки зрения. Речь идет об инструментальной трактовке интерпретации культурного наследия, то есть о практике, обширно применяемой в современной культуре — но по сей день недостаточно изученной со строго научных позиций. Тем самым автор рискнул взяться за комплексный анализ процессов, составляющих ядро целого ряда направлений деятельности, направленной на сохранение культурного наследия, в призме ключевых подходов современной философии культуры. Более того, в диссертации была поставлена (и решена) амбициозная задача формулировки рамочного метода актуализации наследия.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Диссертационная работа С.А. Пиляка довольно хорошо структурирована, материал изложен в оправданной логической последовательности. Здесь представлена масштабная картина работы по сохранению культурного наследия, на конкретных примерах дан развернутый анализ проблем, сопряженных с этой деятельностью. Автор вводит в научный оборот значительный материал, в том числе посвященный практическому опыту актуализации наследия.

Положения научной новизны достаточно полно отражают обозначенные цели и задачи исследования и раскрывают содержание проделанной исследовательской работы. Эмпирическая база исследования обширна; не менее обширна научная литература, которую проработал автор в процессе встраивания своего исследования в актуальный общетеоретический и философский дискурс. При этом диссертант решает важную теоретическую задачу: раскрывает инструментальное значение интерпретации в ходе актуализации культурного наследия.

Достоверность и новизна исследования, полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации.

Исследователь справедливо выделяет актуализацию наследия в качестве важного этапа его сохранения. Полагаю, что феномен культурного наследия уже продолжительное время нуждался в подобном обобщении и вдумчивой структуризации. На с. 293 автор уточняет вопросы, поставленные в самом начале исследования, следующим образом: «...насколько соизмеримы человек настоящего и наследие прошлого?». В этом смысле действительно новым можно считать результат исследования, который состоит в попытке подобрать ключи к решению парадокса интерпретации: она одновременно должна сохранять наследие — и переформатировать его в соответствии с текущими культурными задачами. С одной стороны, речь идет о трансляции культурных ценностей, то есть базовом механизме функционирования культуры, где материальное наследие сопряжено с представлениями о безусловных культурных достижениях предков. С другой стороны, при этом необходимо учитывать вкусы публики («наследие живо тогда, когда оно аттрактивно и эмоционально», с. 294), то есть необходимо такое «наращивание эмоционального напряжения», которое может дать «рост эффективности культурного наследия» и степени его воздействия на аудиторию (в том числе, массовую). Впрочем, как подчеркивает автор, обратной стороной использования данных приемов, к сожалению, может стать разрушительный импульс для отношений, «сформировавшихся о между участниками социальной сферы» (с. 272-273).

В данной связи новаторским видится предложенное диссертантом определение культурного наследия как «визуализированной идеологии» (с. 273). «Внешнее управление» процессами ее «самовоспроизведения и саморазвития культуры», как показано в работе, сопряжено с конкретными вызовами, последовательный и точный анализ которых проведен в данном исследовании. Прежде всего, исключительно инструментальное отношение к культурному наследию создает парадокс соединения вектора сохранности и вектора актуализации. Реализованная в диссертации «возможность глубокой рефлексии» (с. 196) позволила С.А. Пиляку разграничить понятия

интерпретации и адаптации (с. 185), а также проследить ряд теоретических проблем, связанных с несовершенством законодательства в области сохранения культурного наследия (например, с. 214). Анализируя на с. 89 понятия «валоризации» и «ревалоризация» (valorization – наделение ценностью) как путей «“нового прочтения” артефакта прошлого», диссертант дополняет свое исследование семиотическим подходом, позволяющим рассматривать «объекты культурного наследия и в качестве универсальных символов» (с. 140).

Подчеркивая, что «проблемы наследия обостряются, как правило, в переходные периоды», С.А. Пиляк выделяет такую специфику интерпретации, как ее нескончаемость, «бесконечность». При этом им обоснован вывод, согласно которому «необходимость известной адаптации информации не должна означать её подмену. Адекватное методическое сопровождение должно точнее преподносить смысл, с учетом индивидуальных особенностей восприятия» (с. 222). В соответствии с указанной установкой автор делит музейную работу на ряд этапов, где определяющее место занимает четкое структурирование общей картины и артикуляция ценностного и смыслового содержания каждого конкретного объекта наследия. Только после этого объект становится экспонатом и в качестве такового может вступить в коммуникативное поле культурного взаимодействия. Процесс наделения объекта материального наследия акцентными характеристиками, *усиливающий* его основные свойства «за счёт формирования адаптирующего смыслового каркаса», обозначен в работе термином кристаллизация (с. 184). Это понятие трактуется как «комплекс мер», способных поддержать установку на то, чтобы *не исказить* исходные параметры объекта наследия, максимально бережно транслируя заложенные в нем ценности и смыслы.

Теоретическая и практическая значимость полученных автором результатов. Диссертация отражает подход, сложившийся на сегодняшний день в кругах музейных работников, рассматривающих музей как

интерактивное пространство. Неудивительно, что особое место здесь занимает **ценностный подход**, связанный с анализом *отношения* артефактов прошлого к идейно-идеологическим лекалам настоящего (например, с. 194). Отсюда — и осмысление путей актуализации культурного наследия (с. 45, 51-70, 146-163 и др., особенно с. 287, где речь идет об актуализации не только как о сохранении наследия, но и как о включении его в современную культуру) и стремление найти границы научного метода, который сохранил бы в то же время такие параметры, как доходчивость и наглядность (поскольку деятельность музеев направлена, как уже отмечалось, прежде всего на массовую аудиторию), непротиворечивость (поскольку необходимо синтезировать трактовки, выражающие настроения и предпочтения разных эпох), уважение к исходным установкам (поскольку данная модель ориентирована на восприятие наследия в качестве базовых «традиционных ценностей» — с. 49-50, 71-84, 94-169 и др.) — с учетом тех противоречий, которые неизбежно возникают в любой области при формировании подобных контекстов (с. 75-108 и др.). Вызывает уважение серьезное отношение диссертанта к семиотическим аспектам актуализации наследия, как и к тезису о возникновении конфликтов восприятия в результате столкновения «общей усредненной оценки, оторванной от восприятия конкретного индивидуума, но удовлетворяющей общественный запрос» — и «осознания самостоятельной ценности индивидуальной оценки» (с. 86-87).

На фоне анализа философских основ и роли ценностного подхода для понимания возможностей и границ интерпретации как способа актуализации наследия, С.А. Пиляк развернуто анализирует проблемы, сопряженные с развитием **кураторского** подхода, реализующего современную версию музея как не столько экспозиционно-выставочного, сколько коммуникативного пространства (с. 176), где музей «транслирует не информацию, а определенный социальный опыт» (с. 210-243, со ссылкой на статью А.В. Смирнова), доводя это до таких «крайностей» (с точки зрения некоторых представителей научного сообщества), как «клуб» и даже «аттракцион».

Отдельного внимания заслуживает теоретическое раскрытие в работе процесса интерпретации культурного наследия в свете концептуализации **идентичности** (с. 162-173), а также демонстрация и анализ цифровизации культурного наследия как формы современной коммуникации в данной сфере (с. 176-183).

Не менее плодотворно осуществлен теоретический анализ «интерпретации культурного наследия как формы манипуляции» (п. 2.4).р Размышляя о специфике «интерпретативной политики» (термин А.Л. Казина) и проблеме «негативного наследия», способного произвести «вредоносное действие» (с. 226), С.А. Пиляк последовательно обосновывает необходимость «продуманной государственной культурной политики». Не менее важна здесь работа профессионального сообщества, предполагающая учет психологии восприятия (например, с. 245).

Все эти теоретические извлечения имеют прямые и непосредственные **практические аспекты**. Диссертант системно прослеживает риски, связанные с интерпретацией культурного наследия, подтверждая значение таких факторов, как регулярные инвестиции, а также внимание к специфике объекта, местному сообществу, контексту, в который предстоит «вписать» данный культурный объект, и, наконец, внимание к форматам работы с наследием (с. 325-326). Все эти позиции составляют макет методологии применения интерпретации к объектам материального культурного наследия, что несомненно является важным вкладом в развитие теории и вместе с тем определяет широкие возможности прикладного использования материалов данного диссертационного исследования.

Общая оценка содержания диссертации, ее завершенности. Таким образом, диссертацию можно считать завершенным самостоятельным исследованием важной научной проблемы, имеющим значительный теоретический и практический потенциал.

Вместе с тем, диссертация не свободна от недостатков.

Во-первых, цель работы заявлена как «осмысление и обоснование целостной философско-культурологической методологии интерпретации в качестве инструмента актуализации и сохранения материального культурного наследия». В качестве такой методологии, однако, изначально представлена герменевтика, таким образом тезис и аргумент ссылаются здесь друг на друга. Более того, в диссертации высока частотность использования слов, однокоренных слову «конструировать». Представляется, что *методологический* «зазор» между конструированием и интерпретацией следовало бы раскрыть более подробно, в том числе, опираясь на результаты научной дискуссии по поводу возможностей и границ исторического конструктивизма (при этом эмпирическая часть этой проблемы разобрана в диссертации достаточно полно: с исторической, ценностной, идейной, идеологической, экономической, педагогической и даже юридической сторон).

Во-вторых, говоря о том, что «понятие “интерпретация” нуждается в расширении, уточнении...» (с. 158) и рассматривая герменевтику сквозь призму теории ценностей, автор диссертации практически не выходит за рамки пересказа базовых историко-философских идей. При этом в работе красной нитью проходят рассуждения гносеологического характера (своеобразно разъясняющие, например, различия между понятиями «гносеология» и «эпистемология» (с. 84), или утверждающие «эвристичность» интерпретации материального культурного наследия в научном пространстве России — п. 4.4), — однако собственно философы культуры и антропологи, работающие с современной версией понятия «интерпретация» (например, тот же К. Гирц и его последователи), в работе не упомянуты. В результате ее автор самостоятельно приходит к положениям, известным науке минимум с 1990-х гг.

В-третьих, размышления С.А. Пиляка о «традиционных духовных ценностях» нуждаются в пояснении. Является ли автор диссертации, вслед за некоторыми представителями русской философской мысли, сторонником

теории (если можно так выразиться) «ценностных абсолютов», или же он (а это следует из предпринятого им со всей тщательностью анализа конкретных примеров) следует теории исторического прочтения ценностей? В диссертации как минимум дважды упоминаются «истинные человеческие ценности» (с. 131) и «фундаментальные истины по отношению к сюжуминутным сюжетам» (с. 295); при этом на с. 195 четко сказано о том, что «помимо изменения характера интерпретации, постепенно меняется сам предмет интерпретации». Ответом на поставленный вопрос могло бы стать «признание единства разного, многообразия форм Единого» (с. 138, со ссылкой на источник); однако это не снимает недоумения: считает ли автор духовные ценности неизменными, или же солидарен с тем, что они именно исторически изменчивы (и тогда вряд ли стоит сокрушаться по поводу того, что в связи с одной из многочисленных выставок «философствующие герменевтики заменили стремления к истине поисками интерпретаций, т.е. по сути дела на место теории познания поставили конвенционалистскую семантику» (с. 150). Разве не об этой особенности интерпретации в качестве ключевой по отношению к артефактам (по крайней мере, искусства) говорил еще В. Дильтей?

В-четвертых, в работе имеются погрешности содержательного плана. Прежде всего, автор по ходу работы постоянно обращается к проблеме определения культуры, — несмотря на то, что сам же говорит о ее неподъемности. Вызывают удивление мягко говоря неточности, когда разделение культурного и природного связывается с именем М.К. Мамардашвили; деление культуры на две сферы, духовную и материальную, — с именем А.Н. Чумакова; а упомянутый дважды «Учёный А.А.Ивин» представлен как крупный (и едва ли не единственный) аналитик логической структуры оценочных суждений (при этом почему-то не упомянуты ни И. Кант, ни неокантианцы и т.д.) На с. 121 буквально сказано, что Бахтин «развивая дальше» некоторые близкие диссертанту идеи «идет вслед» за В.Г. Кузнецовым (который назван Валерием Георгиевичем, хотя он — Валерий

Григорьевич). Впечатляет также частотность ссылок труды В.Г. Кузнецова, Л.А. Микешиной, самого С.А. Пиляка и Я.Г. Фогелера. При всем уважении к этим почтенным исследователям, не стоило буквально «прошивать» свой оригинальный текст ссылками на их работы.

В-пятых, несмотря на то, что работа довольно хорошо вычитана и оставляет впечатление технической опрятности, в ней имеют место неудачные выражения («формируется культурфилософский прогноз сферы сохранения артефактов культурного наследия», с. 39; «управление человеческим познанием является чрезвычайно актуальным направлением практической и научной деятельности», с. 85; «Человеку свойственно видеть мир через призму собственного соображения», с. 158; «Культура любого социума характеризуется, в значительной части, характерными для неё архетипами», с. 227; «Культурное наследие неминуемо привлекает законный интерес человека», с. 260; «Вышеизложенные тезисы акцентируют внимание на то,...», с. 298; «... позволяют обеспечить прогресс в отрасли, формируя систему запросов заинтересованных», с. 274 и т.д.); а также просторечия («открытый доступ вовнутрь», с. 326).

Высказанное замечание не оказывают существенного влияния на раскрытие темы диссертационного исследования и не снижает общей высокой положительной оценки представленной к защите научной работы.

Вывод. Диссертация Пиляка Сергея Александровича «Интерпретация как инструмент актуализации материального культурного наследия» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной проблемы, имеющей важное культурное значение, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 28 февраля 2024 года № 02-0355), а Пиляк Сергей Александрович заслуживает присуждения ему ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры».

Член диссертационного совета РАНХиГС,
доктор философских наук, заведующая кафедрой
философии им. А.Ф. Шишкина ФГАОУ ВО
«Московский государственный институт международных
отношений (университет) Министерства иностранных
дел Российской Федерации»

М.В. Силантьева

Настоящим выражаю согласие на обработку, хранение и передачу моих персональных данных в целях обеспечения работы диссертационного совета.

Контакты:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«Московский государственный институт
международных отношений
Министерства иностранных дел РФ»

Юридический адрес: г. Москва, проспект Вернадского, 76
Почтовый адрес: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Телефон (факс): 8 (495) 434-00-35
E-mail: kfmngimo@gmail.com

« 14 » августа 2024 года

